

Сценарный подход к анализу текстов*

Ю.М. Кузнецова

Аннотация. В статье представлен обзор работ отечественных лингвистов, привлекающих в качестве категории анализа понятие сценария. Рассматриваются общие представления о сценарии в когнитивной науке. Выделены три основных варианта сценарного подхода к анализу текстов. Первый вариант ориентирован на извлечение из текста эксплицитного сценария-инструкции на основе лексических маркеров, обозначающих действия и их последовательность. Второй (коммуникативный) подразумевает восстановление сценария на основе маркеров коммуникативных действий и ролей участников общения. Третий (семиотический) основан на актуализации фоновых знаний, соотносящихся со значением входящих в текст вербальных единиц. Обзор позволил наметить некоторые варианты применения сценарного подхода к исследованию текста, которые могут быть полезны для развития представлений об организации психической деятельности человека, и их реализации в виде разного рода интеллектуальных исследовательских и агентных систем как компонентов современной социотехнической среды.

Ключевые слова: моделирование сознания, сценарий поведения, анализ текста, речевое поведение.

Введение

Текст как продукт речемыслительной деятельности человека является одним из предметов, на исследовании которого сходятся интересы множества научных дисциплин и направлений. Для задач моделирования сознания в рамках искусственного интеллекта исследование текстов приобретает все большую актуальность по мере развития методов, позволяющих воспроизводить системный характер организации человеческой психики. Являясь сложноорганизованной системой языковых и речевых структур разного порядка, текст представляет собой форму продукта психической деятельности, которая в силу своей материальной природы дает возможность проведения объективного анализа. Однако сложность текста, благодаря которой он становится адекватным отражением сложности устройства и функционирования человеческой психики, одновременно обнаруживает ограниченность таких исследовательских приемов, в основе которых лежат представления о высказывании как сумме слов и тексте как сумме высказываний. Выход за рамки элементной парадигмы, когда текст разлагается на компоненты, вследствие дробления уже не способные представлять сущность целого, подразумевает поиск исследовательских подходов, соответствующих неаддитивной природе речемыслительной деятельности человека. В этом отношении одним из перспективных направлений представляется применение при исследовании тек-

ста сценарного подхода, сутью которого является именно ориентация на отображение внутренних и внешних связей, обеспечивающих существование текста как сложного знака, вписанного в систему отношений с действительностью, другими знаками и самим собой [1]. Сценарии в качестве единиц анализа могут рассматриваться как существующие в психике субъекта, интериоризированные свернутые когнитивные схемы, непосредственный доступ к которым для внешнего наблюдения закрыт. Однако данные о функционировании в дискурсе их развернутых форм позволяют строить гипотезы о свойствах сценариев как компонентов когнитивной системы и ее работе в целом [34, с. 172].

1. Понятие сценария в когнитивных науках

В когнитивистике (когнитивных лингвистике, психологии, антропологии, нейронауках, компьютерных науках и теории искусственного интеллекта) сценарий, наряду с фреймом, концептосхемой, ситуативной моделью и пр. рассматривается в качестве исследовательского конструкта, с помощью которого можно осуществить моделирование ментальных состояний субъекта [33].

В качестве принципиально важного для развития представлений об организации и механизмах функционирования психики человека положений, имеющих в теории деятельности А.Н. Леонтьева, выступает утверждение об обусловленности выбора средств, применяемых при совершении действия, теми целями, ради достижения которых

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант № 17-07-00651.

действие совершается. Такой, казалось бы, очевидный принцип не всегда выдерживается при исследовании активности человека, видимо, потому, что напрямую доступным для наблюдения оказывается именно применение тех или иных средств, в то время как процессы планирования и управления поведением протекают в скрытом режиме. Однако если не принимать в расчет эти внутренние компоненты деятельности, сведения о наблюдаемых процессах теряют свою ценность, поскольку оказывается невозможным восстановить целостную картину происходящего и содержательно объяснить его.

В приложении к речевой деятельности это общее представление ведет к необходимости признания первичности имеющейся у субъекта цели выразить определенное содержание, а не составить композицию из тех или иных формальных единиц, исходя из их значения и норм языка [15, с. 158]. Материализованные компоненты речевой деятельности в качестве предмета исследования находятся, таким образом, в подчиненном положении по отношению к ментальным процессам. При этом известно, что одним из базовых свойств психики является тенденция к обобщению и типизации. Тогда объяснение и моделирование речи и речевого сознания должно предполагать обращение к тем механизмам организации речевой деятельности, которые связаны с «упаковкой» и хранением обобщенной, типизированной информации, доступ к которой обеспечивают языковые единицы [12, с. 58]. Для описания «единиц хранения» когнитивной информации М. Минский, имея в виду задачи искусственного интеллекта, предложил понятие фрейма как структуры данных (образ), предназначенной для представления стереотипной ситуации и представляющей собой сеть, состоящую из узлов и связей между ними [18]. Наряду с фреймами, содержащими декларативные знания, существуют структуры, фиксирующие знания о явлениях динамического характера, которые имеют развертку по времени и могут быть представлены как ряд сменяющихся друг друга состояний или сцен. Для таких когнитивных единиц были предложены понятия скрипта и сценария.

Ч. Филмор определяет сценарий как закрепленную в языке когнитивную структуру, которая, в отличие фрейма, включает не только визуальные представления, но также типы привычных межличностных взаимодействий, стандартные сценарии, разворачивающиеся согласно нормам культуры, институциональные структуры, опыт взаимодействия, образ тела [19]. Р. Шенк и Р.А. Бельсон в сходном значении используют термин

«скрипт», понимая под ним predetermined последовательность стереотипных действий, характеризующих общеизвестную ситуацию (Там же). В модели организации концептуального знания Н.Н. Болдырева соотношение устанавливается следующим образом: фрейм – это объемный концепт, включающий несколько компонентов, представляющий собой своего рода «пакет» информации о типичной ситуации (например, фрейм «театр»). Сценарий, или скрипт, – это фрейм в динамическом представлении в виде разворачиваемой во времени определенной последовательности этапов и эпизодов (например, посещение театра, покупка билетов и т.д.) [2].

В большинстве лингвистических работ, где используется термин «сценарий», подчеркиваются качества его динамичности, типизированности и связанности с тем или иным видом социальной практики, а также наличие набора участников разворачиваемого действия. Важной характеристикой является также иерархическая структура, в которой компоненты верхнего уровня отражают устойчивые признаки, обязательные с точки зрения содержания сценария, а субординантные элементы наполняются в зависимости от конкретной ситуации. Сценарий выполняет функцию регуляции поведения: в конкретной проблемной ситуации формируется план, представляющий собой адаптацию имеющихся у субъекта сценариев для ее разрешения. В отличие от сценария, план связан с конкретной ситуацией, конкретным исполнителем и преследует достижение определенной цели. При формировании плана существенно важным оказывается влияние картины мира субъекта, частью которой являются сценарии [1].

По определению Дж. Лакоффа сценарий представляет собой когнитивную структуру, в самом общем виде состоящую из следующих элементов: начальное состояние, последовательность событий, конечное состояние – структурированную по линии времени и включающую в себя людей, вещи, признаки, отношения и пропозиции.

Для демонстрации устройства прототипического, «базового» сценария Дж. Лакофф приводит пример сценария поведения гневающегося человека. Прототипический сценарий гнева описывается с помощью категорий: Потерпевший, Агент (производитель) наказания, Мишень (Объект) гнева = нарушитель, обидчик; Непосредственная причина гнева = событие, наносящее ущерб; Поведение, проявляющее гнев («гневное поведение») = наказание. Этапами поведения гневающегося человека являются следующие: 1) Событие, наносящее ущерб; 2) Гнев; 3) Попытка удержать гнев под кон-

тролем; 4) Утрата контроля; 5) Наказание Объекта и падение напряжения у Потерпевшего. Кроме прототипического, описываются также и отличные от него непрототипические сценарии гнева, в частности, неутолимый гнев (действия совершаются, но гнев не проходит); неудовлетворенный гнев (фрустрация Потерпевшего из-за невозможности причинить ущерб Обидчику), переадресованный гнев (мишенью гнева является не Обидчик), чрезмерная реакция (величина наказания превосходит величину ущерба) и т.д. Совокупность сценариев гнева может быть представлена в виде полевой структуры, где ядром является прототипический сценарий, а периферией – отклоняющиеся от него непрототипические варианты. В качестве средств выражения сценариев гнева выступают лексические единицы, в ряду которых особую роль играют предикаты (доставлять неудовольствие, виновный, побуждать, вызывать, опасные, приносящий ущерб, уравнивать и пр.) [14]. Приведенный пример демонстрирует способность сценарного подхода восстанавливать как основные компоненты, так и значимые нюансы типичного способа поведения человека в определенной ситуации, а также варианты отклонения от него.

Связь сценариев с языком определяет такое их качество, как культуроспецифичность. Типичные для определенного языкового коллектива речевые стратегии, пишет А. Вежбицка, представляют собой внешнее выражение скрытой системы культурных правил, или культурных сценариев; они отражают культуроспецифические установки, верования и нормы. «Такие культурные сценарии не предназначены для того, чтобы описывать, как ведут себя все члены данного общества, но имеют целью четко сформулировать те нормы, с которыми люди знакомы (на сознательном, полусознательном и подсознательном уровне) и которые являются эталонными фреймами для данного языкового коллектива [4, с. 682-686].

В настоящей работе представлены результаты анализа лингвистических исследований, построенных на принципах, близких к намеченному сценарному подходу в изучении текстов. В работах, затрагивающих проблематику сценарной составляющей текстов, можно обнаружить несколько различных вариантов понимания сценарности.

Во-первых, анализ лингвистической литературы показал возможность выделения специального класса текстов, напрямую выражающих социальные представления о правильном (правилосообразном) ходе и условиях осуществления какой-либо деятельности – текстов, содержащих сценарии поведения инстинктивного характера.

Во-вторых, в некоторых текстах инстинктивного типа обнаруживаются маркеры реализации в тексте определенного сценария речевого поведения. В-третьих, сценарность в тексте может исследоваться на уровне отдельных лексем, и имеются работы, в которых раскрывается идея локализации сценарных конструкций в значениях слов, отражающих имеющиеся в языковой картине мира культуры представления о закономерностях существования внеязыковой действительности в целом и стандартах поведения человека в частности.

2. Сценарии-инструкции

Приведенный выше прототипический сценарий гнева, описанный Дж.Лакоффом, не служит образцом поведения для гневающегося человека. Он выражает общие представления о том, как ведет себя в состоянии гнева «усредненный» представитель англоязычного социума. Кроме такого рода дескриптивных сценариев в культуре существуют тексты, представляющие собой явно выраженные сценарии-прескрипции, императивность которых оформляется с помощью соответствующих вербальных средств.

С.Ю. Неклюдов, описывая типы архаических предписательных формул, указывает на существование наряду с «нейтральной экспликацией» (описание того, «как вообще бывает», а также рассказы о прецедентах) текстов-инструкций, фиксирующих норму поведения либо в позитивной форме предписаний («как надо»), либо в негативной форме запретов («как не надо») [20]. Если вернуться к теме гнева, то к сценариям-инструкциям, призванным оказывать регулирующее воздействие на гневающегося человека, относятся, например зафиксированные этнографами у северных народов запреты: *Нельзя ссориться, ругаться, произносить плохие слова около огня очага – дух огня накажет; Нельзя плевать кому-нибудь в лицо – после смерти придется вытирать* [31], или пословицы-поучения из Сборника В.И. Даля: *Замахнись, да не ударь; Схвядись – бранись, расходись – мирись*.

Инструктивные сценарии эксплицитны и выражены в текстах с помощью прямых наименований признаков ситуации и действий, поскольку именно в этом заключается их смысл как средства донесения до членов социума тех стандартов осуществления различных жизненных практик, соблюдение которых признается социумом существенно важным. Четкие недвусмысленные формулировки и мотивирующая составляющая, усиливающая побудительный потенциал высказывания (*В новую колыбель положи щенка, чтобы ребенок не*

болел; Нельзя вносить полено комлем вперед, ребенок рождается с опозданием [31]), важны с точки зрения минимизации поведенческой вариативности, что обеспечивает и правилосообразность деятельности, и поддержание самого существования социума. «Трансмиссия культуры из поколения в поколение осуществляется посредством усвоения человеком огромного комплекса событийных культурных сценариев и конденсации в его сознании и, что чрезвычайно важно, в бессознательном основных принципов взаимодействия, характерных для данной культуры» [17].

Человек, не имеющий доступа к инструктивным текстам, будет испытывать сложности в регламентированных ситуациях, в которых тот, кто владеет сценариями, решает задачи автоматически. Примером может служить размещенное на одном из форумов в сети обращение: *Нужна помощь! Я купил квартиру и стал жить отдельно от родителей. Так вот, уже через месяц пришел счет за ЖКХ. Я его оплатил, а мне теперь шлют новые каждый месяц. Что я не так сделал? Может, не стоило первый оплачивать, а то они подумали, что я лох?* Можно видеть, что пребывание вне рамок культурной сценарности имеет своим следствием не только поведенческую дезориентацию и неэффективность, но и становится источником тревоги и подозрительности.

Технически сценарии-инструкции могут восстанавливаться из рассказов информантов и по фольклорным текстам [5,9,10] либо обнаруживаться в виде собственно текстов инструкций, распоряжений, правил, руководств, памяток и т.п. Во всех этих случаях сценарий-инструкция является основным содержанием текста, и способ его экспликации при анализе основан на определении текстовых маркеров директивного дискурса.

Из перечисленных С.Н.Глазковой многочисленных способов выражения директива в русском языке к наиболее употребительным в сценариях-инструкциях могут быть отнесены следующие: синтаксемы с модальными глаголами *хотеть, мочь* и пр.; синтаксемы с неглагольными компонентами-предикативами и краткими наречиями *нельзя, нужно, следует, должен, обязан, пора, необходимо, невозможно* и пр.; конструкции с перформативом *просить, требовать, запрещать, разрешать* и пр.; сочетания с побудительными частицами *чтоб, пусть, давайте* и пр.; повелительное, сослагательное, изъявительное наклонение и инфинитив личного глагола; безличная форма глагола [7]. Реализацию некоторых из этих способов можно видеть на примере как традиционных пословиц (*Тяжел крест, да надо несть. С казною судиться*

— своим поступиться. Ешь горькое, доберешься и до сладкого), так и современных инструкций и правил (*Для выполнения работ с офисным электрическим оборудованием следует изучить инструкции по его эксплуатации, пройти инструктаж и получить группу I по электробезопасности; При нумерации разделов статьи номера на введении, заключении и списке литературы не ставятся (см. пример в Приложении 1 к настоящей Правилам); Рисунки, отвечающие тексту, можно найти на первых страницах руководства. Пожалуйста, обращайтесь к этим страницам, читая инструкции по эксплуатации; Строго запрещено вмешиваться в работу внутренних частей аппарата*).

В настоящее время интересной с исследовательской точки зрения сферой функционирования вновь создаваемых сценариев инструктивного характера является дискурсивное пространство средств массовой коммуникации. В такие тексты входят различающиеся по степени своей императивности правила, выполнение которых организаторы сообществ считают необходимым, например: 1) *При использовании Сайта Пользователь обязан соблюдать меры предосторожности в отношении Контента, особенно Контента, размещенного Пользователями, иных материалов и информации...* (Правила сообщества Одноклассники) 2) *Запрещается: оскорблять участников и администраторов сообщества; разжигание межнациональной розни, оскорбление религиозных чувств (или их отсутствия) участников сообщества; размещение постов не относящихся к моделизму; реклама и спам...* (Правила Сообщества моделистов на Пикабу); 3) *Мы ожидаем от всех участников тот.life вежливого и уважительного общения с собеседницами. тот.life – частный женский клуб, мы не позволяем регистрацию мужчин в приложении. Это не сексизм и не дискриминация, это правила клуба. Запрещены публичные выяснения отношений, а также любые записи, провоцирующие скандалы и склоки в приложении...* (Правила сайта MOMLIFE).

В различных профессиональных сообществах возникают и служат предметом субкультурной трансмиссии, обеспечивающей коммуникативное и ценностное сплочение, тексты сценарного содержания, по форме аналогичные типичным фольклорным запретам и предписаниям: *Хирурги говорят, что если человек умер, нельзя садиться на его кровать, пользоваться его вещами, это для них как бы святой запрет, а то болезнь или что-то такое к тебе может перейти; Если медсестра, перестеливая кровать, положила подушку на стол, человек, с чьей подушкой это произошло, должен умереть;*

Нельзя на операцию идти в золоте. Предвещает плохой исход операции [32]; пожарным нельзя чистить сапоги перед дежурством, иначе обязательно случится выезд; нельзя брать в пожарную машину женщин; нельзя надевать новую одежду, иначе случится пожар; нельзя мыть голову после возвращения с вызова, иначе случится новый вызов в это же дежурство [35].

Извлечение сценариев инструктивного характера может представлять интерес с точки зрения развития интеллектуальных коммуникативных систем, способных ориентироваться в текстах подобного образа и работающих в сфере социальной инфраструктуры. В исследовательском плане анализ групповых текстов предписательного характера может найти применение для диагностики процессов социальной стратификации, поскольку наличие собственных регулятивных норм является одним из признаков формирования общности, а их содержание отражает ценностные основания группирования.

3. Сценарии коммуникативного поведения

Сценарный подход при исследовании речевой деятельности имеет свою специфику. В лингвопаргматике сценарий рассматривается как инструментальная единица, позволяющая репрезентировать прототипические характеристики явления в виде описания речевых действий участников типичной коммуникативной ситуации на основе их интенций. С этих позиций сценарий соотносится с такими понятиями, как речевой жанр, речевой акт, речевое действие [28]. Сценарность общения обеспечивает его нормосообразность с целью формирования общего коммуникативного пространства: «Коммуникативная норма предписывает то, что человеку надлежит ... говорить в рамках существующих фреймов, сценариев, моделей речевого поведения. Функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоятельств, обеспечить надежность и предсказуемость, известную стандартность и общепонятность поведения» [29].

По определению В.И.Шляхова, которому принадлежит одна из наиболее разработанных сценарных моделей речевого взаимодействия, коммуникативный сценарий – это статико-динамическая структура, включающая в себя несколько речевых действий, связанных между собой отношениями зависимости и подчинения. Сценариям свойственна протяженность во времени и процессуальность структурированность (начало и конец). В общие сценарные схемы, хранящиеся в памяти человека

в виде фреймов, при реальном речевом взаимодействии встраиваются в вариативные сюжеты, что обеспечивает ситуативную адаптивность сценарного поведения. Еще одним свойством сценария речевого поведения является рекуррентность, которая проявляется в его воспроизводстве в связи с речевой необходимостью и с целеустановками говорящих [34, с. 145-146].

В качестве основания своей модели сценариев речевого взаимодействия В.И.Шляхов указывает на исследования в области теории речевых актов Дж.Остина, Дж.Р.Серля и Д.Вандервекена, предложивших типологии речевых действий. Автор придерживается типологии Дж.Р.Серля и Д.Вандервекена, в которой речевой акт классифицируется по пяти основаниям: 1) коммуникативная цель говорящего; 2) психическое состояние говорящих и его динамика в процессе общения; 3) иллокутивная сила высказывания; 4) соотношение высказывания с реальностью; 5) равный или неравный статус говорящих. Для называния коммуникативных сценариев В.И.Шляхов предлагает использовать русские глаголы с семантикой общения; всего им выделено 86 таких глаголов. Пять оснований классификации рассматриваются в качестве шкал, на которых сценарии распределяются в зависимости от выраженности соответствующего признака и образуют группировки. Например, по отношению к критерию «коммуникативная цель» выделяются группы: «Сценарии нанесения ущерба» («Бранить», «Брюзжать», «Выговаривать», «Высмеивать» и т.п.), «Сценарии доброжелательности» («Восхвалять», «Восторгаться», «Вразумлять», «Сочувствовать» и т.п.) и нейтральные («Выяснить», «Инструментировать», «Напоминать», «Уточнить» и пр.). По второму критерию к положительной эмоциональной группе могут быть отнесены сценарии: «Восторгаться», «Льстить», «Сочувствовать», а к отрицательной группе – «Бранить», «Злословить», «Издеваться» [34, с. 62-71].

Во многих исследованиях, выполненных в рамках сценарного подхода к речевой деятельности, предметом выступают конкретные речевые практики, среди которых особый интерес привлекают негативные формы коммуникации. Так, описаны сценарии «Супружеская ссора» [3], «Инвектива» [8], «Дискредитация» [25], «Конфликт» [29] и др.

В качестве примера восстановления сценария по продуктам реальной речевой деятельности можно привести результаты исследования А.Я.Волковой, посвященного лингвокультурному аспекту феномена хамства. Прототипический когнитивный сценарий в данном случае включает в себя следующие компоненты, последовательно наблюда-

ющиеся в ходе развития коммуникации: 1) некий раздражающий эмоциональный стимул; 2) грубый или оскорбительный выпад по отношению к собеседнику: вербальный (использование грубой или сниженной лексики, Ты-общение) или невербальный (раздраженная интонация, использование жестов вместо вербального общения, игнорирование собеседника); 3) попытка собеседника привести логические доводы либо образумить хама с помощью законных методов; 4) вербальные проявления агрессии в виде угроз и оскорблений, нецензурной лексики, на которые возможны два основных типа реакций оппонента: продолжить конфликт, используя тактики и приемы хама и, возможно, перейти к активным агрессивным действиям, или проигнорировать хама, уйти с «поля битвы» (при условии, что хам не переходит к физическим агрессивным действиям). Возможные отклонения от указанного прототипического сценария включают в себя нестандартные реакции на хамство (в одном из примеров женщина жалуется, что она начинает неконтролируемо рыдать, когда ей хамят), в то время как коммуникативное поведение самого хама остается практически неизменным [6].

Из исследований, посвященных неагрессивным формам общения, можно указать на работу Н.А. Сабуровой и И.И. Моздон, в которой на материале английских гляцевых женских журналов выделены несколько основных сценариев рекламного текста и реализующих их вариантов («микросценариев»). Например, сценарий «Обещание новшества» разворачивается в виде микросценария «Будьте неотразимы», сценарий «Призыв» реализуется в микросценарии «Попробуйте и не пожалеете», а сценарий «Убеждение» – с помощью микросценария «Вы тоже этого достойны» и т.д. [27].

Наличие объективных текстовых маркеров, специфических для разных видов сценариев речевого поведения, создает предпосылки к использованию сценарного подхода в целях развития средств интеллектуального анализа текстов. Перспективным представляется привлечение аппарата сценарного анализа для разработки систем мониторинга контента средств массовой коммуникации.

4. Сценарии-значения слов

Согласно формулировке И.В.Шалиной, исследование текста путем анализа ключевых слов подразумевает поиск имен концептов, обладающих способностью «раскручиваться» до определенного сценария (сценариев) и потенциально его «режиссировать» [33]. Такой взгляд на проблему отображения содержания текста подразумевает опору на

стоящую за образующими его лексическими единицами имплицитную информацию, которой атрибутируется качество сценарности.

Способность слова «раскручиваться до сценария» И.П. Распопов относит за счет его вхождения во сложноструктурированные ментальные образования. «Лексическое наполнение слова отражает фрагмент внеязыковой реальности: наименовать ситуацию (событие, факт) – это значит назвать и соединить в одно структурное целое, соотносимое в нашем сознании с логической пропозицией, действие (состояние, свойство, отношение) и его участников» [26]. Г.И.Кустова указывает на связь значения слова с неопределенным по объему «банком информации», к которому слово обеспечивает доступ: «Значение – это «единица хранения» информации о мире. Однако это не вся информация о соответствующем фрагменте реальности, которой располагает человек. Для правильной интерпретации языковых выражений человек должен использовать большое количество дополнительной информации, которую никому не придет в голову отражать в словаре. Например, ситуация «человек сел на лошадь» интерпретируется как «сел на спину лошади», ... если муха села на лошадь, то она может находиться где угодно – на голове, на ноге, на хвосте. Чтобы интерпретировать выражение сесть на лошадь, человек должен знать, как ездят на лошадях. ...Каков статус этой информации, входит ли она в значение языковых единиц – не ясно (возможно, какая-то часть входит, а какая-то, скорее всего, бóльшая, – не входит)... Для нас важно, что человек этой информацией располагает и что он к ней все время обращается в своей языковой деятельности» [12, с. 35-36, 58].

Изучение механизмов, обеспечивающих фиксацию дополнительного по отношению к собственной семантике слова содержания, имеющего сценарную организацию, требует специальных методических приемов.

В основе предложенного А.Д.Кошелевым референциального метода описания семантики знаменательной лексики лежит выделение в значении слова «Прототипа» (визуальная характеристика типичных референтов, объектов или действий) и связанного с ним «Ядра» (антропоцентрическая ≈ функциональная характеристика, присущая всем прямым референтам слова). Данный подход позволяет эксплицировать то содержание, которое, по приведенному выше выражению Г.И.Кустовой, никому не приходит в голову отражать в словаре, хотя оно играет существенную роль в организации знаний о мире. Например, согласно полученным А.Д. Кошелевым описаниям, основные значения слов

стул, кресло и табурет (не имеющие удовлетворительных дифференцирующих определений в словарях различного типа, но отчетливо разделяемые носителями русского языка) на уровне функциональных характеристик, связанных с состоянием тела человека при сидении и соответствующими видами сидячей деятельности, могут быть представлены следующим образом. *Стул* сделан для сидения одного человека в полуустойчивой (полурасслабленной) позе, удобной для различного вида работы с использованием рук, обычно за столом. *Кресло* сделано для сидения в устойчивой к падению (полностью расслабленной) позе, удобной для отдыха, обычно публичного (в верхней одежде) и непродолжительного. *Табурет* сделан для сидения в неустойчивой (нерасслабленной) позе, обеспечивающей сидящему максимальную подвижность (встать, повернуться всем телом и т.п.) [11].

Можно видеть, что предлагаемый А.Д.Кошелевым метод выявляет связанные с именем словесного знака структуры, имеющие акционально-ролевою, то есть сценарную природу. Отметим, что в модели сознания А.Н.Леонтьева значению слова, именующего предмет, а вернее, значению предмета как одному из компонентов сознания, атрибутируется качество акциональности, связи с действием, поскольку значение в преобразованном и опосредованном материей языка виде репрезентирует общественно выработанные способы действия [16, с. 176]. Именно такой взгляд позволяет использовать сценарную метафору при изучении системы значений для целей моделирования сознания и знаковой картины мира средствами искусственного интеллекта [22].

Особое место в ряду лексических единиц, актуализирующих сценарные когнитивные структуры, занимают глаголы. Само значение глагола как обозначающего действие / состояние / свойство / отношение, отражает сформированное в культуре представление о ролевой структуре события. Итогом восстановления лексического значения глагола является поэтому описание модели ролевой структуры типовой ситуации в категориях имен деятелей, орудий, объектов воздействия, продуктов и т.д. [30].

По определению А.М.Плотниковой, значение глагола фиксирует процедурные форматы знания (представления о действиях, процессах, событиях); входящие в значение пропозиции в сознании человека упорядочены, представляют собой определенную последовательность действий и образуют сценарную структуру. Например, сценарий «помощи» (глаголы *помогать*, *помочь*) состоит из следующих сцен: 1) объект находится в сложном положении (моральном или материальном) и нуждается в поддержке; 2) субъект обладает не-

обходимыми средствами для помощи объекту; 3) субъект предпринимает какие-либо действия, прилагает усилия, чтобы устранить сложные обстоятельства жизни объекта. Отмечая специфику так называемых «социальных глаголов», фиксирующих ситуации общественной жизни, А.М.Плотникова указывает, что в их сценариях дополнительно фиксируются социальные роли участников, а также компонент оценки говорящим ситуации с точки зрения соблюдения или несоблюдения социальных норм [23, с. 30-41, 52].

А.М. Плотникова разработала схему определения когнитивного сценария, стоящего за глаголом поступка и поведения, которая включает в себя: 1) выявление группы глаголов, лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий, и лингвокультурологическая интерпретация семантики данной группы; 2) выделение базового слова – репрезентанта когнитивного сценария; 3) характеристика денотативной ситуации на основе анализа и обобщения контекстов с исследуемыми глаголами (денотативная ситуация поведения человека включает состав участников и отношения между ними, типичные проявления поведения, мотивацию поведения, оценку поведения по параметру отношения к социальным нормам); 4) моделирование когнитивного сценария, предполагающее выявление состава событийных и логических пропозиций, определение временной последовательности пропозиций, характеристику позиции наблюдателя; 5) анализ варьирования когнитивного сценария, которое заключается в изменении состава и последовательности пропозиций, усложнении пропозиций, замене актантов [24].

Судя по имеющимся у нас данным, на настоящий момент остается невыясненным вопрос о том, каким образом можно применять описанный аппарат выявления когнитивного сценария к исследованию текста. Известно, что в тексте глагол реализует свою способность передавать ролевою структуру ситуации, «притягивая» к себе конкретных партнеров, заполняющих при нем актантные места [13] и существует возможность анализа, например, систематических предпочтений или нарушений заполнения актантных мест, что может давать интересный диагностический материал об определенных характеристиках картины мира автора. Однако сценарный подход к значению слова порождает множество проблем, связанных с тем, какие отношения могут возникать между стоящими за отдельными лексемами сценарными образованиями при порождении или понимании развернутого высказывания. Например, каковы закономерности актуализации и комбинирования

сценариев в тексте, который в норме включает в себя множество знаменательных слов, в том числе, «сценарных по своей природе» глаголов; формируется ли при этом некий метасценарий или действуют механизмы, выдвигающие в преимущественную позицию какой-то один из сценариев и препятствующие актуализации других, и т.д. Данные вопросы имеют существенное значение для задач развития средств интеллектуального анализа текста или моделирования сознания.

Заключение

Проведенный анализ показал, что к общим характеристикам различных когнитивных структур, обозначаемых термином «сценарий», относятся: культурное происхождение и связь с языковой картиной мира; функция социального контроля и регуляции поведения; обязательное наличие темпоральных, акциональных и ролевых компонентов; иерархичность структуры, в которой вышележащие компоненты отражают стабильные признаки типовой ситуации, а нижележащие заполняются в зависимости от конкретных условий реализации сценария; наличие прототипического и отклоняющихся вариантов. При этом сценарность обнаруживается на разных уровнях существования текста: как основа формирования его макроструктуры (сценарии-инструкции), как принцип организации типовой ситуации общения (коммуникативные сценарии), как акционально-ролевая структура модели типовой ситуации, стоящей за значением слова (семиотический уровень сценарности). Методологический потенциал сценарного подхода позволяет ожидать, что его применение будет представлять интерес с точки зрения развития средств интеллектуального анализа текстов в исследовательских и прикладных целях.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ. 2001. 123 с.
3. Ван Веньцзя. Культурный сценарий «Супружеская ссора» в зеркале русских паремий // Научный диалог. 2017. № 1. С. 22-34.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры. 1999. 791 с.
5. Виноградова Л.Н. «Нова млада» в новой семье: послесвадебный сценарий // Homo Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средневековье. Новое время. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. (Балканские чтения 6. Тезисы и материалы). С. 104-107.
6. Волкова А.Я. Феномен хамства в деструктивном общении // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. 2013. № 4. С. 215-221.
7. Глазкова С.Н. Национально-культурная специфика русского директива. Дисс. ...докт. филол. наук. Екатеринбург. 2013. 375 с.
8. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М.Шукшина // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 158-171.
9. Драмбян М.И. Обычаи примирения в традиционной культуре черногорцев // Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / Под ред. М.Л.Бутовской. М.: Научный мир. 2006. С. 258-270.
10. Колкова Н.А. Гештальты и фреймы сватовства в русской фразеологии // Вестник ЧГПУ. 2009. № 1. С. 268-277.
11. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2015. 280 с.
12. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры. 2004. 472 с.
13. Лакина Н.Ю. К вопросу о соотношении семантических и социальных ролей приглагольных актантов // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2013. Вып. 2. С. 127-134.
14. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: «Языки славянской культуры». 2004. 792 с.
15. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение. 1969. 214 с.
16. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. М.: Педагогика. 1983. 320 с.
17. Лурье С.В. Культура и ее сценарий. ИмPLICITный обобщенный сценарий как внутрикультурный интегратор // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 153-164.
18. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 1979. 151 с.
19. Мурашова Л.П. Концептуально-когнитивный фрейм // Научный вестник ЮИМ. 2014. № 4. С. 40-44.
20. Неклюдов С.Ю. «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре. Редакторы-составители:

- Е.Н.Дувакин, Ю.Н.Наумова. М.: РГГУ. 2013 (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика). С. 77-173.
21. *Никитина Е.С.* Смысловой анализ текста: Психосемиотический подход. М.: ЛЕНАНД. 2016. 200 с.
  22. *Осипов Г.С., Панов А.И., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М.* Знаковая картина мира субъекта поведения. М.: Физматлит. 2017. 318 с.
  23. *Плотникова А.М.* Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005. 140 с.
  24. *Плотникова А.М.* Когнитивные сценарии глаголов поведения (на материале русского языка) // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 2. С. 48-50.
  25. *Полатовская О.С.* Когнитивный анализ фрейма-сценария «дискредитация» (на материале выступлений американских политических деятелей по ситуации в Сирии) // Вестник ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 106-110.
  26. *Распопов И.П.* Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 24-34.
  27. *Сабурова Н.А., Моздон И.И.* Феномен сценарности англоязычного рекламного текста // Вестник ТОГУ. 2012. № 3 (26). С. 229-238.
  28. *Третьякова В.С.* Когнитивный аспект описания общения: теория сценария и сценарий речевого поведения // <https://www.researchgate.net/publication/268405677>
  29. *Третьякова В.С.* Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Алтай: Изд-во Алтайского гос. ун-та. 2004. С. 112-120.
  30. *Фурер О.В.* Модели лексического значения в отечественной и зарубежной лингвистике // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 2 (7). С. 67-69.
  31. *Христофорова О.Б.* Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1998. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 25). 80 с.
  32. *Чередникова М.П.* Устные рассказы в медицинской субкультуре // <http://www.ruthenia.ru/folklore/cherednikova3.htm>
  33. *Шалина И.В.* Культурный сценарий «Жизнь в деревенской семье»: из опыта лингвокультурологической интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 320. С. 31-37.
  34. *Шляхов В.И.* Сценарии русского речевого взаимодействия. М. 2007. 280 с.
  35. *Шумов К.Э.* Традиции пожарной охраны: Жаргонизмы и профессиональная лексика // <http://www.ruthenia.ru/folklore/shumov2.htm>

Кузнецова Юлия Михайловна. Старший научный сотрудник ИСА ФИЦ ИУ РАН. Окончила в 1991 г. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат психологических наук. Количество научных работ: 97 (в т.ч. 3 монографии). Область научных интересов: психосемантика, психолингвистика, психология когнитивных процессов. Email: kuzjum@yandex.ru

Scenarial Approach to the Analysis of Texts

J.M. Kuznetsova

Abstract. The article provides a review of Russian linguists' investigations applying the concept of scenario as a category of analysis. The general ideas about the scenario in cognitive science are considered. Three principal variants of the scenario approach to the analysis of texts are revealed. The first variant is aimed at the extraction from text of the explicit script as a kind of guidance by using the lexical markers of actions and their sequence. The second (communicative) variant implies the reconstruction of the scenario based on the markers of the communicative actions and the roles of participants. The third (semiotic) one based on the actualization of background knowledge correlated with the meaning of verbal signs entering into the text. The review indicated some possibilities of applying the scenario approach to text research that can be useful for developing ideas about the organization of human mental activity and their realization in a some forms of intellectual research and agent systems as components of the contemporary sociotechnical environment.

Keywords: *modeling of consciousness, behavior scenario, text analysis, speech behavior.*

References

1. *Baranov, A.N.* 2001. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku (Introduction to applied linguistics)*. Moscow: Editorial URSS. 360 p.
2. *Boldyrev, N.N.* 2001. *Kognitivnaya semantika (Cognitive semantics)*. Tambov: TGU. 123 p.
3. *Van Ventszya.* 2017. *Kul'turnyy stsenariy «Supruzheskaya ssora» v zerkale russkikh paremiy (The cultural script "The Matrimonial Quarrel" in the Mirror of Russian Paremiyas)* // *Nauchnyy dialog (Scientific Dialogue)* 1: 22-34.
4. *Vezhbitskaya A.* 1999. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov (Semantic universals and description of languages)*. Moscow: «Yazyki russkoy kul'tury». 791 p.
5. *Vinogradova L.N.* 2001. «Nova mlada» v novoy sem'ye: poslevadebnyy stsenariy ("Nova Mlada" in a new family: a post-wedding scenario) // *Homo Balcanicus. Povedencheskiye stsenarii i kul'turnyye roli. Antichnost'. Srednevekov'ye. Novoye vremya (Homo Balcanicus. Behavioral scenarios and cultural roles. Antiquity. Middle Ages. New time)*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. (Balkanskiye chteniya 6. Tezisy i materialy): 104-107.
6. *Volkova A.Ya.* 2013. *Fenomen khamstva v destruktivnom obshchenii (Phenomenon of rudeness in destructive dialogue)* // *Vestnik LGU im. A.S.Pushkina.* 4: 215-221.
7. *Glazkova S.N.* 2013. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkogo direktiva (National and cultural specifics of the Russian directive)*. PhD Diss. Ekaterinburg. 375 p.
8. *Golev N.D., Lebedeva N.B.* 2000. *Rechevoy zhanr ssory i konfliktnyye stsenarii (na materiale rasskazov V.M.Shukshina (Speech genre quarrels and conflict scenarios (on the material of the stories of V.M. Shukshin)* // *Jurislilingvistika.* 2: 158-171.
9. *Drambyan M.I.* 2006. *Obychai primireniya v traditsionnoy kul'ture chernogortsev (The customs of reconciliation in the traditional culture of Montenegrins)* // *Agressiya i mirnoye sosushchestvovaniye: universal'nyye mekhanizmy kontrolya sotsial'noy napryazhennosti u cheloveka (Aggression and peaceful coexistence: universal mechanisms for controlling social tension in humans)*. Moscow: Nauchnyy mir: 258-270.
10. *Kolkova N.A.* 2009. *Geshtal'ty i freymy svatovstva v russkoy frazeologii (Gestalts and frames of matchmaking in Russian phraseology)* // *Vestnik CHGPU.* 1: 268-277.
11. *Koshelev A.D.* 2015. *Kognitivnyy analiz obshchechelovecheskikh kontseptov (Cognitive analysis of universal concepts)*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. 280 p.
12. *Kustova G.I.* 2004. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya (Types of derived mefnings and mechanisms of language expansion)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 472 p.
13. *Lakina N.Yu.* 2013. *K voprosu o sootnoshenii semanticheskikh i sotsial'nykh roley priglagnol'nykh aktantov (To the question of the relationship between the semantic and social roles of the inverse actants)* // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta.* 2: 127-134.
14. *Lakoff J.* 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii (Women, Fire and Dangerous Things: What are the categories of language speak on thinking)*. Moscow: «Yazyki slavyanskoy kul'tury». 792 p.
15. *Leont'yev A.A.* 1969. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' (Language, speech, speech activity)*. Moscow: «Prosveshcheniye». 214 p.
16. *Leont'yev A.N.* 1983. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: V 2-kh t. T. II (Selected psychological works: In 2 volumes, vol. II)*. Moscow: Pedagogika. 320 p.

17. *Lurie S.V.* 2017. Kul'tura i yeye stsenariy. Implitsitnyy obobshchennyy stsenariy kak vnutrikul'turnyy integrator (Culture and its script. Implicit generalized scenario as an intracultural integrator) // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2: 153-164.
18. *Minskiy M.* 1979. Freymy dlya predstavleniya znaniy (Frames for representation of knowledge). Moscow: Energiya. 151 p.
19. *Murashova L.P.* 2014. Kontseptual'no-kognitivnyy freym (Conceptual-cognitive frame) // *Nauchnyy vestnik YUIM*. 4: 40-44.
20. *Neklyudov S.Yu.* 2013. «Durnoy obyчай»: priznavayemyye pravila i real'naya praktika v narodnoy kul'ture (“Bad custom”: recognized rules and real practice in popular culture) // *Zapretnoye / dopuskayemoye / predpisannoye v fol'klоре* (Forbidden / tolerated / prescribed in folklore). Moscow: RGGU: 77-173.
21. *Nikitina Ye.S.* 2016. Smyslovoy analiz teksta: Psikhosemioticheskiy podkhod (Semantic analysis of the text: Psychosemiotic approach). Moscow: LENAND. 200 p.
22. *Osipov G.S., Panov A.I., Chudova N.V., Kuznetsova J.M.* 2017. Znakovaya kartina mira sub"yekta povedeniya (A sign world model of the subject of behavior). Moscow: Fizmatlit. 318 p.
23. *Plotnikova A.M.* 2005. Kognitivnyye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov) (Cognitive aspects of the study of semantics (on the material of Russian verbs)). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 140 p.
24. *Plotnikova A.M.* 2009. Kognitivnyye stsenarii glagolov povedeniya (na materiale russkogo yazyka) (Cognitive scenarios of verbs of behavior (on the material of the Russian language)) // *Vestnik YuUrGU*. 2: 48-50.
25. *Polatovskaya O.S.* 2013. Kognitivnyy analiz freyma-stsenariya «diskreditatsiya» (na materiale vystupleniy amerikanskikh politicheskikh deyateley po situatsii v Sirii) (Cognitive analysis of the frame-script “discrediting” (based on the speeches of American politicians on the situation in Syria)) // *Vestnik OGU*. 11(160): 106-110.
26. *Raspopov I.P.* 1981. Neskol'ko zamechaniy o tak nazyvayemoy semanticheskoy strukture predlozheniya (A few remarks on the so-called semantic structure of the sentence) // *Voprosy yazykoznaniya*. 4: 24-34.
27. *Saburova N.A., Mozdon I.I.* 2012. Fenomen stsenarnosti angloyazychnogo reklamnogo teksta (The phenomenon of the scriptuality of the English-language advertising text) // *Vestnik TOGU*. 3(26): 229-238.
28. *Tret'yakova V.S.* Kognitivnyy aspekt opisaniya obshcheniya: teoriya stsenariya i stsenariy rechevogo povedeniya (Cognitive aspect of the description of communication: script theory and the script of speech behavior) // Available at: <https://www.researchgate.net/publication/268405677> (accessed December 7, 2017).
29. *Tret'yakova V.S.* 2004. Rechevoy konflikt i aspekty yego izucheniya (Speech conflict and aspects of its study) // *Jrislingvistika-5: Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskiye aspekty prava* (Legal aspects of language and linguistic aspects of law). Altay: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta: 112-120.
30. *Furer O.V.* 2015. Modeli leksicheskogo znacheniya v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike (Models of lexical significance in domestic and foreign linguistics) // *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2(7): 67-69.
31. *Khristoforova O.B.* 1998. Logika tolkovaniy: Fol'klор i modelirovaniye povedeniya v arkhaiskikh kul'turakh (The logic of interpretation: Folklore and behavior modeling in archaic cultures). Moscow: Rossiysk. gos. gumanit. un-t. 80 p.
32. *Cherednikova M.P.* Ustnyye rasskazy v meditsinskoy subkul'ture (Oral stories in the medical subculture) // Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/cherednikova3.htm> (accessed December 5, 2017).
33. *Shalina I.V.* 2009. Kul'turnyy stsenariy «Zhizn' v derevenskoy sem'ye»: iz opyta lingvokul'turologicheskoy interpretatsii (Cultural scenario “Life in a village family”: from the experience of linguoculturological interpretation) // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 320: 31-37.
34. *Shlyakhov V.I.* 2007. Stsenarii russkogo rechevogo vzaimodeystviya (Scenarios of Russian speech interaction). Moscow. 280 p.
35. *Shumov K.E.* Traditsii pozharnoy okhrany: Zhargonizmy i professional'naya leksika (Traditions of fire protection: Jargonisms and professional vocabulary) // Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/shumov2.htm> (accessed December 12, 2017).

Kuznetsova J.M. Laboratory of Cognitive research in Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Institute for system Analysis (ISA RAS), Moscow, Russia. Psychologist, PhD, Senior Researcher. e-mail: kuzjum@yandex.ru